

<36612416600013

<36612416600013

Bayer. Staatsbibliothek

НРАВСТВЕННЫЯ
ПИСЬМА КЪ ЛИДѢ.

СОЧИНЕНІЕ ЭКАРТСГАУЗЕНА.

Pr. No. 1409 n - 1/2

LIBRARY OF THE

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ANN ARBOR, MICHIGAN

А CV 103 Зрочк

ПРАВСТВЕННЫЯ
ПИСЬМА КЪ ЛИДЪ

О

ЛЮБВИ ДУШЪ БЛАГОРОДНЫХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА ЭККАРТСТАУЗЕНА,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Москва
в Типографіи С. Селивановскаго.

1816
69

1000

THE POLARIS

THE POLARIS

20/21/1963

3 Изд. 4-е
НРАВСТВЕННЫЯ
ПИСЬМА къ ЛИДѢ

О
ЛЮБВИ ДУШЪ БЛАГОРОДНЫХЪ.

СОЧИНЕНІЕ ЭКАРТСГАУЗЕНА.

Съ Нѣмецкаго новый переводъ

ИВАНА КОБРАНОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

~~~~~
МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1816.

Печаташь позволяется съ шѣмъ,
чтобы по напечатаніи, до выпуска
изъ Типографіи, представлены были
въ Цензурной Комитетъ: одинъ
экземпляръ сей книги для Цензур-
наго Комитета, другой для Депар-
таментъ Министертва Просвѣще-
нія, два экземпляра для Император-
ской Публичной Библіотеки и одинъ
для Императорской Академіи Наукъ.
Москва, Марта 24 дня, 1816 года.
Книгу сію разсматривалъ Ординар-
ный Профессоръ и Кавалеръ

Левъ Цвѣтаевъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ
ГОСПОДИНУ БРИГАДИРУ
И
КАВАЛЕРУ
ГРАФУ
ФЕДОРУ АНДРЕЕВИЧУ
ТОЛСТОМУ

усерднѣйшее приношеніе.

ЕТО СІРІТЯРСТА,

МНОГОТНОМУ ТОСЦІ

ТОСЦІ АННУ БРІТАНІ

И

КАВАЛЕРУ

ЛАНФУ

ОМОНІ АННУ

ТОСЦІ

ТОСЦІ АННУ

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Обязанный нѣкогда Вашему
Сіятельству щаспіемъ жизни
моей, могу ли когда-либо за-
быть Ваше благодѣяніе? . . . .
Нѣтъ, оно глубоко начерпано
въ моемъ сердцѣ и — сливаясь
съ ощущеніемъ бытія моего,
соспавляешъ для меня сладосп-
нѣйшее, священное чувство.
Въ ознаменованіе онаго приѣмлю
смѣлоспъ посвящипъ имени Ва-
шего Сіятельства прудъ мой
— новый переводъ съ Нѣмецкаго
Нравственныхъ писемъ къ Людѣ.
Въ нихъ найдете чувства, до-

стойныя человѣческой Напуры—
Ваши чувства. — Сіятельнѣй-
шій Графъ! удостойте при-
нять плоды моего занятія, какъ
слабую жертву живѣйшей и
вѣчной моей къ Вамъ призна-
тельности и дозвоьте мнѣ
имѣть честь навсегда имено-
ваться

В а м ъ ,

Сіятельнѣйшій Графъ!

Милосливый Государь!

преданнѣйшимъ слугою,

И. М. У. М. Иванъ Кобрановъ.

НАМѢРЕНІЕ АВТОРА.

Нѣжная, взаимная склонность
обоихъ половъ есть внушеніе
природы; но разумъ человѣче-
скій, при испорченномъ сердцѣ,
во зло употребляетъ сіе сла-
достное ощущеніе; и потому
правила, кои предписываютъ,
съ какимъ благоразуміемъ и не-
порочностію должно имъ поль-
зоваться, заслуживаютъ всей
важности и всего нашего вни-
манія.

Вольнодумцы, поставляя за-
кономъ своимъ страсти, и не
полагая имъ границъ, въ семъ
внушеніи природы думаютъ най-
ти извиненіе безпорядочнымъ
своимъ поступкамъ. Но чего
ожидать отъ людей, такъ мало
уважающихъ достоинство сво-
ей натуры? ... Они унижаются

Пис. Лид.

А

II

до скоповъ, и подобно имъ управляюпся инстинктомъ.

Человѣкъ пѣмъ единственно опличається опъ презрѣнныхъ живошныхъ, что ему данъ разумъ, дабы спраспи, желанія свои покоряпъ его законамъ.

Сей и вѣра, — соспавляющая вышній и надежнѣйшій разумъ! — служапъ намъ къ изслѣдованію нашихъ склонноспей, привычекъ и спраспей; а безъ сего не можемъ имѣпъ согласія ни съ другими, ни съ самими собою. Вошъ причина пѣхъ раздоровъ, кои пираняпъ и иопребляюпъ родъ человѣческій!!

Цѣль быпія нашего соспоипъ въ разсмаприваніи самага себя, въ усовершенспвованіи нашей напуры и въ непрерывномъ спремленіи къ назиданію общаго блага. — Далѣе не дозволено намъ проспирапся въ своихъ желаніяхъ!!

Творческая сила любви верховной даровала намъ способности для того, чѣобы мы увеличивали кругъ нашего щаспія и живѣе ощущали его цѣну; чего иначе достигнуть не можемъ, какъ возвышая духовную въ себѣ науку мудростію нашей жизни и чистотою побужденій.

Вотъ основаніе истиннаго щаспія — щаспія, коего никакіе удары разрушить не въ силахъ!! Оно-то должно управлять отношеніями двухъ половъ между собою. Назначеніе ихъ: взаимно совершенствовать себя, взаимно возвышаться, по возможности силъ своихъ, къ числу чистоплѣтныхъ небожителей.

Съ сей точки зрѣнія должно разсмапривать обращеніе съ нѣжнымъ поломъ: въ семъ только отношеніи любовь имѣетъ все свое достоинство, и ве-

IV

личіе; безъ сего внутренняго возвышенія она не любовь, а слѣпое, чувственное влеченіе, которое сопровождается несогласіемъ, враждою и всякими безпорядками въ цѣлыхъ обществахъ.

Изъ всѣхъ побужденій души нашей ни одно столько не можетъ способствовать къ вышшему усовершенію человека, какъ дѣйствіе любви взаимной. Сіе ощущеніе священное приобрѣло бы еще большую силу, когда бы власть законодательная, бывъ проникнута сею истинною, обратила ее въ нѣкопорую часть воспитанія; когда бы желаніе нравиться основывалось не на одной наружности, но и на свойствахъ внутреннихъ.

Издавая сіи письма, мое намѣреніе было показать, сколько сердце образованное умѣетъ

любить истинно, и сколько оно печется о томъ, дабы сдѣлаться достойнымъ предмета своей нужности. Такая любовь имѣетъ своимъ основаніемъ не чувственность, но уваженіе къ достоинству человѣческой натуры, и стремленіе къ тому блаженству, которое человеку въ сей жизни предназначено.

О! какъ жалки сластолюбцы, коихъ сердце, охладѣвшее къ добродѣтели, не въ силахъ вмѣщать въ себѣ благородныхъ, высокихъ чувствованій, и коихъ разпленный умъ именуется любовь мечтою воображенія.

Понятіе о любви истинной тѣмъ болѣе имѣетъ важности, что отъ него зависитъ щастіе весьма многихъ; и потому я умолялъ бы правителей общества принять на себя достойный ихъ трудъ — обозрѣть, сколько можно, пред-

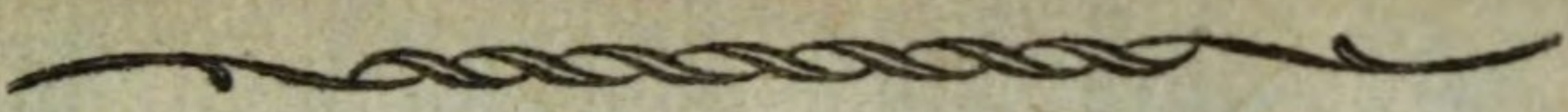

VI

мепѣ сей, и любовь къ другому полу, равно какъ и обращеніе съ нимъ, привестъ подѣ законы порядка и мудрости. Еспѣли же моему желанію и не опредѣлено исполниться, то по крайней мѣрѣ другъ челоѣчества обязанъ мнѣ благодарностію. — Кто не имѣетъ ни силы, ни власти все или многое перемѣнить; тому ничего не оспается, кромѣ добрыхъ желаній.

ПИСЬМА къ ЛИДѢ

О

ЛЮБВИ ДУШЪ БЛАГОРОД- НЫХЪ.

I.

*Любовь составляетъ потребность
сердца благороднаго.*

Благодарю тебя, Лида, за прі-
ятный вчерашній вечеръ. — Какъ
я былъ щасливъ! — Я забылъ
всѣ мученія . . . . О если бы всѣ
люди имѣли твое сердце! — Какъ
бы намъ хорошо было на этомъ
свѣтѣ! — Издавна помлюсь я въ
тоскѣ и уныніи; куда не посмо-
тришь, вездѣ такъ много людей
злыхъ! — Мое сердце искренно;
я желалъ бы дѣлать удовольствія
жизни съ каждымъ созданіемъ,
пріявшимъ бышіе отъ всеобщаго

Ошца любви; но преданные спра-
 сямъ люди оправляюшъ всѣ ра-
 досши природы. Скрыпность, не-
 нависть и зависть владѣюшъ очень
 многими. — Люди о добромъ че-
 ловѣкѣ судяшъ по своимъ чувст-
 вамъ, и разтворяшъ горестію
 чашу дней нашихъ.

Съ сердечною радостію оспав-
 лю я нѣкогда земное поприще,
 оспавлю въ швердой надеждѣ луч-
 шаго міра. Туда ожидаю всѣхъ
 добродѣтельныхъ, шуда ожи-
 даю и себя, Лида! — шуда, гдѣ
 добрые души въ гармоніи слива-
 ются съ источникомъ всѣхъ благъ,
 и составляютъ съ Нимъ великое
 единство. Поздно послѣдуешь ты
 за мною по ушаву природы, и
 конечно въ опчизну душъ добро-
 дѣтельныхъ и чистыхъ.

Спанемъ въ радости сердца бла-
 гословляшъ великій день воздаянія,
 и наше дружество, наша любовь
 будущъ и здѣсь такъ чисты и

вѣчны, какъ назначеніе, шамъ насъ
ожидающее.

II.

*Объясненіе въ любви, на добро-
дѣтели основанной.*

Ты похишила у меня все спо-
койствіе, милое созданіе! Твой
образъ вездѣ въ глазахъ моихъ,
и только мысль о тебѣ дѣлаетъ
меня щаспливымъ. Не лишай меня
своего дружества; клянусь за-
служивать его всѣмъ нѣжнымъ
уваженіемъ къ твоимъ добродѣ-
телямъ. Всякое мановеніе швое
есть для меня закономъ; таин-
ственная сила, влекущая къ тебѣ
мою душу, дѣлаетъ меня щаспли-
вѣйшимъ изъ смертныхъ. Скажи,
Лида! что ты внимательна къ
любви моей, и я своимъ щасті-
емъ не помѣняюсь съ Царями. Ми-
лое созданіе! какъ мало тебѣ по-
добныхъ!

Чувствительной въ полной мѣ-
рѣ предаешься тому, кто отвѣча-
етъ ему чувствомъ. — Чистая,
истинная любовь составляетъ со-
вершенное, единственное счастье
людей на земли. Я чувствую себя
благороднѣе, лучше съ тѣхъ поръ,
какъ узналъ тебя. — Я нѣкогда
убѣгалъ людей; съ унылымъ серд-
цемъ заключался въ моемъ уедине-
ніи, представляя, что нѣтъ
болѣе сердецъ чувствительныхъ.

Теперь снова мирюсь съ чело-
вѣчествомъ; думаю: « есть Ли-
да! » — и блаженствую... Пла-
менинѣ теперь молитва моя къ
Богу, живѣе расположеніе къ лю-
дямъ. Я желалъ бы сдѣлать всѣхъ
счастливыми, всякаго прижать
къ груди своей и сказать: чув-
ствуешь ли? это сердце для тебя
бьется; но оно не билось бы, если
бы не любило, если бы не вос-
хищалось милымъ созданіемъ —
Лидою.

Одна ты, достойнѣйшая дѣвица! одна ты могла влить нѣжныя чувства въ мое сердце; при взорѣ твоемъ возникли въ немъ добродѣтели, подобно цвѣтамъ, возникающимъ при солнцѣ весны юной. Не лишай меня твоего расположенія; ты сдѣлала меня благороднѣе, добрѣе. — Смотри, Лида, Какую силу имѣетъ любовь твоя!!

III.

Нѣжное чувство любви, соединенное съ сердечнымъ уваженіемъ къ своей милой.

Если бы всякая мысль о тебѣ, милая дѣвица! могла быть письмомъ, то ты всякую минуту получала бы отъ меня новое. Но что письма? — Слабыя, весьма недоспащочныя оплѣнки нашихъ чувствованій, для коихъ природа не имѣетъ ни одного слова. Кто можетъ изъяснить свои ощущенія?

Кто можесть на бумагѣ выразить расположеніа души своей? — Посмотри на лучшую картину, Лида! не мертва ли, не бездушна ли она въ сравненіи съ прекрасною природою? Кто красками можесть изобразить духъ, живописующій вселенную? — Но это все возможно, чѣмъ перомъ изъяснишь ощущенія нашего сердца. Кто въ силахъ красками предсставишь свѣтъ солнца? . . . А истинная любовь не есть ли божественная искра огня, все оживляющаго? О Лида! одна мысль о тебѣ погружаетъ меня въ океанъ мыслей безчисленныхъ — мыслей, кои, разрѣшаясь и раздробляясь шапсвенною силою, переходятъ въ ощущенія, только для души моей понятныя?

О какъ безцѣнна ты для меня, милое созданіе. Ты жизнь для моего сердца, другая душа моя; тобою чувствую, тобою суще-

сплвую я, и чрезъ себя только наслаждаюсь быпіемъ своимъ! —
 Для чего мы узнали другъ друга?
 О! не спрашивай, милый другъ мой! Это наше назначеніе, это вѣчно неизмѣняемый законъ природы. Подобное соединяется съ подобнымъ, доброе съ добрымъ. — Ты добродѣтельна, добродѣтельна такъ, что я не находилъ еще подобной тебѣ дѣвицы; и часто, помясь въ душѣ моей, считалъ добродѣтель въ швоемъ полѣ мечтою несбыточною; часто въ мысляхъ своихъ представлялъ я женское совершенство, представлялъ по своему; но то было только мечта моего воображенія — и Ангельской образъ исчезалъ въ душѣ моей съ такою же быспро-шою, съ какою онъ въ ней являлся.

Тутъ я увидѣлъ тебя, узналъ швое сердце, и какъ бы опъ сна проснулся. Увидѣшь тебя и не полюбишь было для меня не-

возможностию. Образъ мыслей моихъ, мое сердце, судьба моя и потребность души, которая такъ пламенно желала раздѣлять бышіе свое съ существомъ другимъ, и — нигдѣ его не находила — все, все меня влекло къ тебѣ, и я долженъ былъ . . . полюбить тебя.

Тотъ, кто спанетъ винить меня, конечно не знаетъ, какую власъ имѣетъ добродѣтель надъ сердцемъ чувствительнымъ; тотъ не знаетъ тебя, несравненная Лида! — Одинъ сасполюбецъ, коего звѣрское сердце не испытало иной любви, кромѣ чувственной, и коему чуждо всякое благородное ощущение — одинъ онъ, Лида! можетъ осуждать любовь нашу.

Добрыя души спанутъ благословлять наши чувства, подобно Ангеламъ, благословляющимъ взаимную нѣжность добродѣтельнаго брата и сестры добродѣтельной.

Я люблю тебя, Лида, какъ сестру, какъ непорочное, святое создание. Съ благоговѣніемъ въ сердцѣ приспупаю къ тебѣ, какъ къ нѣкому божеству. Одинъ взглядъ твой творитъ изъ меня все по твоей волѣ. Онъ удаляетъ меня отъ тебя, онъ и снова привлекаетъ. Я готовъ на все, и только твоя воля — моя! Я на все готовъ, на все рѣшимъ; и боюсь только одного: тебя оскорбишь, тебѣ не понравится.

Если судьбѣ угодно будетъ, чтобы я въ опдаленіи отъ тебя провелъ остатокъ дней моихъ: о! не укоряй меня, что слеза при этой мысли падаетъ изъ глазъ моихъ. Это слеза любви; существо, тебѣ преданное, проливаетъ ее; она достойна твоего участія. Прости и помни, что есть въ мірѣ существо, для котораго все — одна ты!

IV.

*Пріятная задумчивость нѣжнаго,
страстного любовника.*

Будь щаслива, милая Лида! —
Безъ швоей любви и я не могу
быть щасливымъ. — Рожденной
въ странѣ, гдѣ не встрѣчалъ я
ни одного существа, которое бы
раздѣляло со мною чувства, позд-
но я узналъ тебя, достойнѣйшая
дѣвица! — Не вѣтренность и сла-
сполюбіе меня прилѣпляютъ къ
тебѣ, но швое сердце, швоя нрав-
ственность и душа, которая вѣч-
но въ тебѣ не измѣнилась. Пусть
увянешь юность швоя, пусть вре-
мя положишь печать на челѣ шво-
емъ — Лида все будетъ Лидою
для истиннаго любовника; измѣ-
нилась въ тебѣ наружность, но
чувство — никогда.

Твое сердце сотворено для люб-
ви вѣчной. О! какъ щасливъ бу-
детъ супругъ швой! . . . Нѣжная,

добродѣтельная душа твоя никогда не возмушишь его спокойствія; всякое утро будешь онъ упоеваться радостію, пробуждаясь въ твоихъ объятіяхъ. Ты будешь для него все тою же Лидою. О! какъ далеки отъ тебя твои сверстницы! — Будь всегда тѣмъ, чѣмъ теперь, несравненная дѣвица! Ты сотворена для благородныхъ чувствъ, такъ мало, извѣстныхъ людямъ.

Съ унылымъ сердцемъ влачилъ я жизнь мою въ сей юдоли мрака и горестей; наконецъ спалъ въ пылкость себѣ, и бытіе щипалъ бѣдственнымъ удѣломъ: но узналъ тебя, и теперь весело пропекаю свое поприще. Если иногда, въ минуты тихой задумчивости, и выкашится слеза изъ глазъ моихъ, — знай, милая Лида! она выкашилась въ залогъ любви щастливой, не считай ее недостойною твоего вниманія.

Пис. Лид.

Б

*Тихое изтупленіе любви; упрекъ
безъ оскорбленія.*

Если бы ты находилась за океанами, Лида! и шуда бы любовь меня перенесла къ тебѣ. Если бы свирѣпствовали бури, и небо горѣло въ пламени, я вооружился бы прошивъ ужасовъ природы, и любовь привела бы меня въ твои объятія. Но ты робка, все спрашивъ тебя. Не зная мученій моихъ, не зная ни одного сердца, которое могло бы такъ любить тебя, какъ мое, ты заставляешь меня мучиться. Когда солнце улыбается къ намъ и южный вѣтерокъ прохлаждаетъ грудь нашу, Лида! если это время испытанія для сердецъ нашихъ? Нѣтъ! въ несчастіяхъ и гоненіяхъ судьбы познается прямая любовь и дружба. Въ то время, когда встрѣчаешь ихъ трудность за трудно-

ещію , препоны за препонами —
 только въ то время два сердца
 могутъ узнать и цѣнить другъ
 друга. Если бы ты , Лида, не го-
 ворила мнѣ о любви своей , то я
 не смѣлъ бы такъ писать къ те-
 бѣ ; но я вѣрю словамъ твоимъ
 и надѣюсь , что и въ скорбные
 дни моей жизни я все также бу-
 ду тебѣ любезенъ.

Не играй моимъ сердцемъ, Лида!
 Оно теперь не мое ; оно при-
 надлежитъ единственно той, для
 которой бьется. — Судьба и мои
 чувства сдѣлали меня слишкомъ
 несчастнымъ ; не умножай моего
 злополучія , или опними у меня
 жизнь. Еслибъ ты была обыкно-
 венная дѣвица нынѣшняго време-
 ни , то я легко могъ бы забыть
 тебя. Но я нашелъ въ тебѣ душу
 благородную — нашелъ друга, ко-
 торый съ нѣжностію бралъ уча-
 стіе въ моихъ горестяхъ. Ты ожив-
 ляла меня въ часы томнаго уны-

нія , проливала бальзамъ оправды
въ шерзаемое сердце мое , укрѣп-
ляла силою мужества помящійся
духъ мой. — — И кто ? — кто
имѣетъ право тебя похищать у
меня ? — Рабы , Негры и Лап-
ландцы свободны въ своемъ сердцѣ;
а Лида не уже ли не вольна въ
немъ ? Не уже ли она не можетъ
сказать : для меня милъ эпошъ
мущина ; онъ благороденъ , чув-
ствивеленъ и достоинъ всей
моей дружбы. Никто , никто не
смѣетъ это запрешить тебѣ , до-
стойнѣйшая дѣвица ! — Жалкой
сласполобецъ , не умѣя различать
чистой любви отъ порочной , ла-
скается ко всякой женщинѣ по-
тому только , что на ней модное
плаще ; не зная цѣны любви
истинной и не имѣя къ ней долж-
наго уваженія , онъ можетъ только
обольщать бѣдную дѣвицу , а лю-
бить — никогда ! !

Милая Лида ! какъ ты безцѣн-

на для моего сердца! Какъ высоко цѣню я свои чувства и добродѣтели! — Не считай лестною, когда я говорю тебѣ: ты Ангелъ изъ смертныхъ нынѣшняго времени. Я узналъ, каковы женщины въ нашемъ городѣ! Большая часть изъ нихъ ищетъ только удовольствій, не заботясь о томъ, какого онѣ рода. Любовь чужда ихъ сердцу и никогда не будетъ составлять ихъ потребности, потому что онѣ не знаютъ пріятности любви чистой и благородной. Вѣжливостъ и уваженіе, имъ оказываемое, онѣ называютъ застѣнчивостію, и еще хуже — глупостію. — О Лида! Узнавъ людей, какъ не почувствовать цѣны своимъ достоинствомъ. Такъ! моя любовь къ тебѣ будетъ вѣчна, подобно душѣ моей; самые Ангелы ее одобряютъ. Думая о тебѣ, я радуюсь бытіемъ своимъ; радуюсь, что имѣю

друга съ твоими чувствами, съ твоими правилами — словомъ такого, какого всегда искало мое сердце.

Лида! ты другъ мой, Ангелъ хранишель; твой образъ вездѣ носишься за мною; со всякою мыслию я о тебѣ думаю. Не могу приняться ни за какое дѣло, не могу писать никакого намѣренія, не увѣрюсь напередѣ, одобришь ли это моя Лида? Вижу ли нещаснаго, лечу къ нему на встрѣчу съ сердечною радостію, съ сердечною готовностію, и думаю, его послала ко мнѣ Лида. Смогрю въ глаза тебѣ — и когда милый взоръ твой ко мнѣ улыбается — о Боже! я блаженствую. Моя Лида раздѣляется со мною удовольствіе добраго дѣла; она оживляется твоимъ же чувствомъ, какимъ и я. Такова сладость благошворительности, такова любовь къ человѣчеству, когда имѣешь друга!!

Молюсь ли Богу? молишься и ты со мною! — Твоя молишва — моя, твои взыванія къ Ошцу любви — мои. Такова сила моей любви къ тебѣ, доспойнѣйшая дѣвица! Кто изъ смертныхъ можетъ осуждать ее? Но любовь наша, Лида, можетъ быть слишкомъ числа, слишкомъ высока для сего міра. Прости!

VI.

Потребность нѣжнаго сердца жаловаться милой на свои страданія.

Въ семъ проспранномъ мірѣ, Лида! я не знаю кромѣ себя ни одного созданія, которое принимало бы учаспіе въ моей горести. Прости моему сердцу, что оно ищетъ ему подобнаго. Спраданія спановяпся сноснѣе, когда можемъ облегчать ихъ жалобами. Ахъ! и слезы не такъ бывающъ для насъ горьки, когда милая рука

осушаетъ ихъ. — О! если бы на груди швоей я могъ испустить скорбный духъ мой! Съ какою охопою перешагнулъ бы я за предѣлы гроба—туда, къ Богу любви, въ спрану вѣчнаго мира и спокойствія!— Тамъ нѣтъ ни одного злаго сердца. О! если бы тебѣ определено было закрыть умирающіе глаза мои; я въ послѣднюю минуту жизни моей сказалъ бы тебѣ: Лида! я люблю тебя; ты была для меня единственныиъ на земли другомъ! Пролей утѣшеніе въ мое сердце, ты, добродѣтельное и кропкое созданіе. Кто лучше Лиды можетъ утѣшить меня въ юдоли мрака и горестей? . . . Ты для меня Ангелъ, котораго благость Божія ниспослала въ утѣшеніе моего сердца.

— Какъ пламенно желаю тебя видѣть; нѣжное учаспіе швое исцѣлилъ скорбь души моей, и прелестныя швои уста вдохнушь въ

меня новыя силы , споль необходимыя кь пренесенію трудносшей здѣшней жизни. — Прости и помни своего друга ! —

VII.

Любовь не знаетъ иной потребности , кромѣ любви.

Неизвѣстно щасливъ я , Лида ! и неизвѣстно нещасливъ съ того времени , какъ узналъ тебя. — Не правда ли ? Ты видишь противорѣчіе въ словахъ моихъ ; однакожъ онѣ не менѣе справедливы , милый другъ мой ! Думая о тебѣ , Лида ! о своемъ сердцѣ и миломъ , дружескомъ обхожденіи , я благословляю судьбу , ознакомившую меня съ тобою , достойнѣйшая изъ смертныхъ ! Въ прелестныхъ взорахъ твоихъ забываю свои спраданія , себя и всю природу ; но воспоргъ небеснаго упоенія исчезаетъ ; — я

Пис. Лид.

В

чувствую одиночество; снова ищу
тебя — и спрадаю.

Предъ цѣлымъ свѣтомъ готовъ
сказать я, что одна ты достойна
власть моимъ сердцемъ, — симъ
сердцемъ, которое существуетъ
для тебя и обою, и которое — —
при сей мысли, кажется, все воз-
стаетъ противъ меня.... Люди въ
пресупленіе вѣняющъ мнѣ при-
знаніе, которое такъ невинно, такъ
чисто, какъ чувство любви, вну-
шенное мнѣ самимъ Богомъ къ те-
бѣ, несравненная Лида!

Подобное стремишься къ подоб-
ному, односвойственное къ одно-
свойственному: таковъ вѣчный за-
конъ природы! Для чего же мо-
ему сердцу не стремишься къ
своему, когда оно такъ чувстви-
тельно къ добродѣтели?

Здѣсь — только на земли, Ли-
да! мы знаемъ разлуку; но въ ве-
ликомъ царствѣ творенія всѣ

добрыя души составляютъ великое единство.

Милая сердцу моему, Лида! ты, съ которою соединяешь меня чувство непорочной добродѣтели! не покидай меня, когда весь свѣтъ меня оставишь; — я нигдѣ не нахожу души, которая съ моею составила бы единство.

Позволь любить себя, милое создание! Добродѣтель достойна любви; а я вижу ее въ лицѣ твоёмъ. — У тебя есть братья и сестры; они любятъ тебя: предскажи, что и я въ числѣ ихъ, — и ни одинъ братъ, ни одна сестра не превзойдетъ меня въ нужности. Прости!

VIII.

В о с л о м и н а н і е.

Съ неизвѣстнымъ удовольствіемъ вспоминаю время, которое вчера провелъ я у тебя, милая Лида! — Нѣжное твое участіе

въ судьбѣ другихъ , любезности
въ обхожденіи — все, все упоева-
ешъ небесною радостію того, кто
тебя любитъ.

Чѣмъ болѣе узнаешь тебя, Ли-
да ! тѣмъ болѣе чувствуешь по-
требность любить тебя. Но кто
пламеннѣе , спросиѣ меня мо-
жетъ быть къ тебѣ ? — Я го-
товъ тысячу смертей за тебя
вытерпѣть , чтобы одну минуту
подышать въ твоихъ объятіяхъ :
одинъ взглядъ твой возвратилъ
бы мнѣ жизнь и на краю гроба.

О Лида ! кто изъ смертныхъ
можетъ сравниться съ тобою въ
добродѣтели ! Мысль, что ты су-
ществуешь, составляетъ мое ща-
стіе ; но мысль, что я могу тебя
лишиться, терзаетъ меня и умерщ-
вляетъ жизненные во мнѣ силы.
Прости моей слабости , или луч-
ше — сильной любви моей. Кто
можетъ горѣть и — не сгарасть ?
— Прости и не забывай , что

любовь твоя дѣлаешь меня неизъяснимо щасливымъ.

IX.

Подарокъ любви.

Благодарю тебя, Лида! за безцѣннѣйшій подарокъ — любовь твою. О! какъ дорого, священно для меня все, что я отъ тебя ни получаю; но всего священнѣе для меня твое сердце, — сей подарокъ я никогда не возвращу тебѣ. Еслижъ ты употребишь силу, то возьми съ нимъ и жизнь мою. — Начто мнѣ жизнь, когда Лида перестанетъ любить меня?

Добродѣтельное, милое существо! какія нѣжныя, неразрывныя узы соединяють меня съ тобою! — Онѣ неразрывны, подобно какъ добродѣтель неразрывна съ твоею душою. Но какія слова могутъ выразишь мои къ тебѣ чувства? —

Для любовниковъ нѣтъ ни време-
ни, ни мѣры, ни мѣста.

Всякой желаетъ себѣ щаспія
съ новымъ годомъ; но при всемъ
какъ люди несчастны! — Мѣсто,
время и мѣра полагають границы
ихъ духу; — онъ заключенъ у
нихъ въ сихъ предѣлахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ люблю те-
бя, Лида! для меня нѣтъ ни вре-
мени, ни мѣры, ни мѣста. —
Странная мысль, однакожъ не ме-
нѣе истинна!

Нѣтъ времени пошому, что я
не знаю уже ни часовъ, ни го-
довъ. Смопрю на тебя цѣлые ча-
сы, Лида! и сіи часы сшано-
вяшся для меня мгновеніемъ; а
еслили минушу тебя не вижу, —
сія минуша кажется мнѣ годомъ.

Но мои чувства къ тебѣ не
ограничивающся никакимъ време-
немъ, — и природа не имѣетъ
мѣры для ихъ измѣренія.

Душа моя совершенно тебѣ предана, милая Лида! она не знаетъ предѣловъ мѣста, и всегда неразлучна съ тобою. Съ нѣкошораго времени я спалъ совсѣмъ иной: для меня день — ночь, а ночь — день, пошому что мое солнце — ты, Лида! Гдѣ ты, тамъ свѣтъ для моего сердца; гдѣ нѣтъ тебя, тамъ для него тьма. Зима превращается для меня въ весну, когда срываю розы съ прекрасныхъ устъ твоихъ.

Я ничего не слышу, ничего не вижу, ничего не чувствую, кромѣ тебя. Свирѣпствуетъ ли буря, гремитъ ли громъ — Ангельской толосъ твоей повелѣваетъ для меня стихіямъ; въ твоихъ объятіяхъ, Лида! забываю всѣ ужасы природы, и кромѣ щастія, коимъ упоеваетъ меня любовь твоя, ничего не чувствую.

Всякой поцѣлуй твой вливаетъ въ грудь мою небесное наслажде-

ніе. — Милая дѣвица! оживи снова это восхитительное ощущение, и сію минушу преврати въ вѣчность. Пусть въ тысячахъ поцѣлуевъ наши души сольются въ одну — и никакое время, никакое мѣсто и ничто не раздѣлитъ ихъ болѣе.

XI.

Нѣжная благодарность любви.

Дружеское твое обхожденіе, любезнѣйшая Лида! дѣлаетъ меня щасливѣйшимъ изъ смертныхъ. Ты любишь меня! Скажи жъ, что можешь равняться съ моимъ щасіемъ? — О! какой безцѣннѣйшій подарокъ — любовь, нѣжная и взаимная! Какое удовольствіе можешь сравниться съ удовольствіемъ любви пламенной? — Жить и дышать для тебя единственно есть первая и послѣдняя мысль моя; съ нею пробуждаюсь я, и съ нею засыпаю.

Лида! ты наполняешь все мое сердце. Для тебя бьется оно, достойнѣйшая дѣвица! и для тебя вѣчно будетъ биться.

Любовь моя къ тебѣ основана на тайнственномъ влеченіи души нашей; ни случай, ни время не въ силахъ истребишь ее: она вѣчна, подобно душѣ нашей.

Искра любви, пылающая къ тебѣ въ груди моей, есть искра, удѣленная отъ пламени любви вѣчной; она есть искра Божества, которая для нашего счастья возжена имъ въ нашемъ сердцѣ; — никогда не угасаетъ она и не можетъ угаснуть, пока есть Богъ и души.

О Лида! какъ безцѣнна ты для моего сердца! Какъ тѣсно соединяется духъ мой съ твоимъ! Какъ вся душа моя изливается въ твою душу, чтобы составить одно существо, одну душу!

Ты — другое я! любовь твоя

соспавляешъ сущность моего бытія, меня самаго, мою жизнь и душу! Чшо могу сказаць тебѣ, чего бы ты еще не знала? — Тобою мыслю, чувспвую, движусь — шобою дышу, несравненная дѣвица!

Я не имѣю уже ни души, ни воли: швоя душа — моя, швоя воля — моя; моя любовь — любовь швоя; безъ нее я пересталъ бы сущесшвовашъ, а съ нею вездѣ рай, вездѣ блаженшво.

XII.

Тихое страданіе любви.

Желалъ бы ушайшь опѣ себя свои спраданія; желалъ бы скрышь свои слезы и чувспвовашъ одинъ свои горести: но шайншвенная сила, коей не могу прошивишься, меня влечешъ къ тебѣ; она испоргаетъ у меня признаніе, чшо я для тебя и шобою сущесшвую.

Какъ сладосшно проливашь сле-

зы для тебя , милая дѣвица ! —
 Не запрещай мнѣ ихъ: онѣ составля-
 ютъ единственное мое утѣ-
 шеніе. Что можешь быть нѣж-
 нѣе , спрашиѣ той любви , ко-
 торую воспламенили во мнѣ твои
 добродѣтели , твои благородныя
 чувства; — ничто, ничто въ свѣ-
 тѣ не можешь охладить во мнѣ
 пылающаго къ тебѣ сердца ; —
 ничто не въ силахъ разлучить
 меня съ побою.

Пуши Провидѣнія чудесны ! —
 Въ то время , какъ я убѣгалъ лю-
 дей , скрывался отъ ихъ взоровъ ,
 Ангелъ человѣчества привлечъ ме-
 ня въ твои объятія ; мнѣ долж-
 но было узнать тебя , и — не
 уже ли къ моему несчастію? — Нѣтъ,
 Лида ! это невозможно. Отецъ
 человѣковъ не имѣетъ жестоко-
 сти; хощенія его святы, — иначе,
 не возжегъ бы Онъ искры, заив-
 шейся въ моемъ сердцѣ.

Непорочныя , взаимныя побуж-

денія соединяютьъ наши души; и Богъ, благословляющій любовь чистую, будетъ правишь нашею судьбою.

Я не спалъ вчера до полуночи и думалъ о покойномъ своемъ братѣ, о кошоромъ ты рассказывала мнѣ съ такимъ сердечнымъ уча-
сшіемъ.

Онъ всей души молился я прав-
вѣднику; — онъ конечно вспом-
нишь и шамъ о любви своей. О
Лида! дружба и любовь проспи-
раются и за предѣлы гроба. Въ
то время, когда мы говорили объ
немъ; когда я, раздѣляя съ
тобою чувства, осушалъ поцѣ-
луями свои слезы, кошорыя мѣ-
шались съ моими, — въ то время,
можешъ бышь, духъ его носился
надъ нами. —

Тѣнію своего брата клянусь
тебѣ, милая Лида! что я люблю
тебя болѣе, нежели изъяснишь мо-
гу; что добродѣтельныя твои

чувства дѣлають тебя достой-
нѣйшею изъ смертныхъ въ гла-
захъ моихъ; что для меня нѣтъ
иной радости, иного блаженства,
какъ любить тебя; что эта лю-
бовь не упрекаетъ моей совѣсти,
и что я съ смѣлымъ лицомъ явил-
ся бы предъ престоломъ Всеви-
дущаго.—Опець чловѣкъ! Опець
и мой! — я воскликнулъ бы къ
нему: Ты хотѣлъ, чтобы узналъ
я достойнѣйшую изъ смертныхъ;
Ты научилъ меня высоко цѣ-
нить добродѣтель въ прекрасномъ,
нѣжномъ полѣ; Ты далъ мнѣ въ
Лидѣ друга: ея дружба — даръ
Твой; ея сердце и любезность —
дѣйствіе Твоей воли;— я любилъ
Лиду въ Тебѣ, а Тебя въ Лидѣ!

XIII.

Преданность въ любви.

Моя судьба, щастіе и жизнь
въ твоихъ рукахъ; тебѣ ввѣряю

все — тебѣ одной Лида! — Ты должна и рѣшишь все.

Время знакомства нашего увѣришь тебя, Лида! что я принадлежу къ числу людей необыкновенныхъ; что я умѣю плакать высокими чувствами, умѣю любить невинные, нежные, чужды люди обыкновенные. Мое участие и непрерывное о тебѣ безпокойство тебѣ въ томъ ручаюсь.

Тебѣ извѣстно, что ты для меня все; что безъ тебя не знаю ни счастья, ни радости; что безъ твоей любви самая жизнь будетъ для меня тяжкимъ бременемъ. На тебя только надѣюсь — и только вѣрю безхитросно — моему своему сердцу.

Чужда мнѣ всякая къ тебѣ недовѣрчивость; чуждо мнѣ всякое сомнѣніе къ словамъ твоимъ. — Ничто въ свѣтѣ не принудитъ Лиду сдѣлать меня несчастнымъ —

меня, ея друга! — Такъ всегда буду я говоришь себѣ.

Лида никого въ жизни не оскорбляла; захочешъ ли оскорбишь своего друга? — Болѣе всѣхъ увѣренный въ тебѣ, достойнѣйшая дѣвица! могу ли не ожидать всего отъ твоего сердца? — Но вѣрь и мнѣ, Лида! чпо я никогда и ничѣмъ не оскорблю твоей нѣжности. Твоя воля — законъ для души моей: угодно ли, чпобѣ я спрадалѣ! я спрадашь буду; угодно ли, чпобѣ я умерѣ? я умру охотно.

XIV.

Нѣжное безлокойство любовника.

Со времени вчерашняго свиданія нашего я до сихъ поръ безпреспанно думаю о тебѣ, милый другъ мой! Тысяча безпокойствъ волнуешь мою душу. Я боюсь, не оскорбилоть тебя мое признаніе? Но я не могъ болѣе скрывать

чувствъ своихъ , достойнѣйшая
изъ смертныхъ ! Ты давно замѣ-
чала во мнѣ внутреннее мученіе ;
давно читала въ моемъ сердцѣ —
и я вчера ввѣрилъ тебѣ сію тай-
ну. Если опкровенность моя тебѣ
не понравилась , то прости моей
пламенной къ тебѣ любви , копо-
рая выше всякихъ предѣловъ. Со-
вершенная преданность моя не
доказываетъ ли тебѣ , что Лида
для меня все ? — Тебѣ извѣстно,
что твоя воля — моя , что лю-
бовь къ тебѣ составляетъ един-
ственное во мнѣ чувство ; за-
служилъ твою любовь есть пер-
вѣйшее мое стараніе.

Открылся въ мученіи сердца —
не уже ли значилъ нескромность ?
Ахъ , Лида ! не любовь ли была
тому причиною ? — Но я такъ
безпокоюсь теперь , что желалъ
бы взять назадъ все мною ска-
занное. — Смотри , Лида ! какъ
сильна любовь , и какъ ты мила

моему сердцу; я боюсь малѣйше огорчить тебя, — малѣйше тебѣ не понравиться. — Лида! проникни въ грудь мою! — Такъ я говорю себѣ и — ободряюсь въ душѣ моей, ободряюсь шѣмъ болѣе, что ей извѣстно мое сердце и нѣжность любви моей.

XV.

Нѣжной цѣркѣ любви.

Какъ часто ни давала ты мнѣ слова, всегда оно было свято, всегда выполняла его со всею почтительною благороднаго сердца. Это достоинство прекрасной души твоей не менѣе прочихъ меня плѣняло.

Третьяго дня ты изъяснила желаніе сего дня меня видѣть; а вчера съ холодностію сказала: «завтра я ѣду къ Целіи.» — Не уже ли перемѣнилась Лида? Не уже ли твое слово не имѣешь болѣе прежней важности? Или я

Пис. Лид.

Г

сталъ такъ чуждъ тебѣ, что ты забываешь о своемъ общаніи? Развѣ не знаешь, какъ я всякую минушу желаю тебя видѣть, и какъ всякая минуша безъ тебя для меня продолжительна и ужасна?

Жеспокая! какъ ты мало знаешь мою любовь къ тебѣ.

Графиня Орзинъ тебѣ другъ: она желаетъ, чтобы ты была у Целіи, единственно для того, чтобы доставить тебѣ удовольствіе. Зачѣмъ же ты не могла сказать: я хочу увидѣть несчастнаго своего друга, раздѣлишь горестъ съ нимъ и пролишь утѣшеніе въ его душу?—И она вѣрно не спала бы тебѣ прошиворѣчивъ. Но это была собственная твоя воля, Лида! — Замолчу.— Можешь быть и за тѣ минушы, копорыми ты мнѣ жертвуешь, я обязанъ единственно чувствительному и доброму твоему сердцу.

Проси мнѣ; я не жалуюсь,—

ты имѣешь право располагать собою ; — проспи моему сердцу , которое любишь тебя болѣе , нежели сказать могу.

Нынѣшняя ночь была слишкомъ для меня горестна , и я ни на минушку не могъ успокоиться: она прошекла для меня въ мученіяхъ. Наспалъ день, — но сонъ не смыкалъ еще глазъ моихъ. Слова: «завтра я ѣду къ Целіи.» Безпреспанно опзывались въ моемъ слухъ , и шакъ живо , чшо я желалъ бы, чшобы онѣ меня умершвили. — Ты щасплива: въ твоихъ лѣпахъ можно имѣть тысячу удовольствій , и безчеловѣчно было бы у тебя похищать ихъ. Ты заслуживаешь ими наслаждаться. О! если бы могъ я для Лиды обратишь міръ сей въ поля райскія , съ какою готовностію это бы сдѣлалъ ! Для меня же нѣтъ болѣе радости, кромѣ Лиды.

Я желалъ бы поговорить съ тою —

бою , Лида ! Мое сердце чувствует всю необходимость въ своемъ утѣшеніи , но не смѣю просить тебя. Ахъ ! если бы молча можно было спросить у своего сердца, бьется ли оно еще для своего друга ? . . . Но сей языкъ не данъ людямъ ! Лида ! не оставь безъ вниманія моего требованія : пройдемъ еще устро , наспушимъ другое, потомъ прешье и — ты не услышишь болѣе умоляющаго голоса.

XVI.

Взглядъ убиваетъ и взглядъ оживляетъ любовника.

Ты хочешь , чтобъ я написалъ къ тебѣ ; — что пишешь ? — Ничего , кромѣ одного , — что я люблю тебя , люблю нѣжно и вѣчно любить буду.

Сердце , узнавшее Лиду , можетъ ли писать чувство къ другой ? Только тебѣ извѣстна тай-

на — привлечь къ себѣ душу на
вѣки. Твое добросердечіе, швоя
крошость возносящъ тебя превы-
ше смертной; онѣ сближающъ
тебя съ существомъ Ангеловъ.
Будь всегда одинакова. — Какъ
восхищенъ въ тебѣ образъ
Всевышняго! Какъ прекрасно ошпе-
чашленіе Его благосши въ чистой
душѣ швоей!

Люби меня, Лида! и будь мо-
имъ другомъ! Помни, что един-
ственнo пы оживляешь мое оди-
начество. Одинъ взглядъ швой
упоеваетъ меня небеснымъ ощу-
щеніемъ, одно швое слово за-
спавляетъ меня забыть всѣ свои
спраданія.

XVII.

Что есть истинная любовь.

Какъ мало знающъ люди цѣну
любви истинной. Всякой день
оскверняется на устахъ ихъ это

слово — это выражение небеснаго чувства.

О Лида! какое великое таинство скрывается подъ симъ великимъ словомъ!

Любовь! — что ты? — Только то, что можешь понять себя, кто во всей полноте умлетъ себя чувствовать. — Чувствительность не есть любовь, Лида! Когда сердце плыветъ одною наружностью; тогда мы любимъ не предметъ, а самихъ себя, и думаемъ не объ немъ, а о своихъ наслажденияхъ.

Кто любитъ истинно, тотъ забываетъ себя, Лида! и живетъ только для милой. Онъ готовъ опуститься отъ всего, но отъ нее — никогда и ни за что!

Одинъ Богъ, Лида! научаетъ насъ любви истинной; Онъ есть самая любовь. Разсматривай природу, и ты везде найдешь проявленія Его воли, везде опечата-

дѣнія Его благоспи, вездѣ любовь Его.

Посмотри на фіалку въ уединенной долині; — посмотри, какъ распустилась она. Всякое утро напоитъ ее роса живительная, всякая скала защищаетъ ее отъ знойныхъ лучей солнечныхъ. И это цвѣтокъ есть произведение любви Его, и это цвѣтокъ научаетъ насъ нѣжнымъ чувствованіямъ.

Человѣкъ, Лида! не одно тѣло, но и духъ. Какъ тѣло, такъ и духъ имѣютъ свои прелести. Наружная красота привлекаетъ чувство, духовная — душу.

Наружность подвержена законамъ времени. Гвоздика опцвѣтаетъ, роза блекнетъ; съ нею исчезаетъ красота, а съ красотою и наше удовольствіе.

Но, когда умираетъ все чувственное, остается въ насъ духовное; прелесть души никогда

не измѣняется. Ея великой законъ — соединеніе. Такъ льются тысячи лучей изъ свѣтила дневнаго — и всѣ сіи лучи соединяются опяшь, дабы сославишь океанъ свѣта — солнце.

Такъ изливается Творческая любовь на миліоны созданій, — такъ искра любви пала въ человеческомъ сердцѣ, и воспалая другія ей подобныя, привлекаетъ ихъ, собираетъ и сославляетъ — одно пламя.

Что меня влечетъ къ тебѣ такъ сильно, что я не могу пропивишься: прекрасные ли глаза твои, или душа, которая оживляетъ ихъ такою прелестію? — Ахъ, Лида! что были бы твои глаза безъ души? — Мерзвое тѣло — если бы божественная искра, ихъ оживляющая, не обнаруживала твоихъ нѣжныхъ чувствованій.

Скажи, Лида! какой языкъ мо-

жешъ равняшся языку души! —
 Не цѣлые ли часы мы глядѣли другъ
 на друга и — молчали? ... Но са-
 мымъ молченіемъ не говорили ль
 болѣе, нежели смертные могушъ
 говоришь словами?

О! какъ недоспапоченъ чело-
 вѣческій языкъ въ сравненіи связы-
 комъ любви безмолвной! и какія
 слова выразятъ то, что выражает-
 ся въ каждомъ взглядѣ?

Для чего, Лида! проспираюшся
 къ тебѣ мои обѣщанія? Для чего
 такъ крѣпко прижимаю тебя къ
 груди моей? Для чего вбираю въ
 себя твое дыханіе? Для чего уста
 мои слипаюшся съ твоими?

Не есть ли это великій законъ
 соединенія между душами подоб-
 ными? Не есть ли это духъ, ко-
 торый, желая слиться съ другимъ,
 ему подобнымъ, такъ сильно въ
 насъ дѣйствуетъ?

Ахъ! грубыя оковы плѣнности
 слишкомъ препятствуютъ къ сое-

Пис. Лид.

Д

диненію душъ нашихъ. — Какъ крѣпко ни прижимаю себя къ груди своей, все чувствую, что ты опдѣленное отъ меня существо, — а отъ того томленіе, а отъ томленія спраданія сердца нѣжнаго.

Изъ сей теоріи любви, неизвѣстной человѣку чувственному, ты видишь, Лида! что люди здѣсь только начинаютъ любить, а окончательное дѣйствіе сего начала ожидаетъ насъ тамъ — за предѣлами сей жизни.

Повѣрь мнѣ, милая дѣвица! только то, что такъ любишь, — любишь истинно; все прочее не есть любовь.

Увидѣвъ розу, срываю ее, прикалываю къ груди и говорю: какъ нравишься мнѣ эта роза! — Но любовь ли это? — Нѣтъ! это чувственность; это желаніе наслажденія, а не любовь. — Однакожъ большая часть людей такъ любитъ.

« Какой вздоръ! какой вздоръ! — со
 » всѣхъ сторонъ кричаю прошивъ
 » меня — чувствѣнность соспавля-
 » етъ сильное и единственное по-
 » бужденіе въ человѣкъ! Пусть его
 » умничаютъ... но кончатъ все
 » также — чувствѣнностію. »

Что мнѣ отвѣчать на это, Ли-
 да? — Ничего! — Кто не имѣетъ ор-
 гана для чистыхъ ощущеній, тотъ
 не пойметъ меня. Могу ли гово-
 рить съ глухими о пріятности
 тоновъ, съ слѣпымъ о красотѣ
 цвѣтовъ? ...

Точно, милая дѣвица! человѣкъ
 все будетъ человекомъ; ему здѣсь
 не дано быть выше своей напу-
 ры; но назначено духовному су-
 ществу возвышаться надъ жи-
 вотнымъ.

Побужденія, общія съ побужде-
 ніями животныхъ, неразлучны съ
 перешннимъ нашимъ состояні-
 емъ: мы не можемъ себѣ отказать
 въ нихъ, не разстроивъ тѣмъ сво-

его соспава; но въ нашей возможности благородствовашь и возвысиль ихъ, — и въ семъ-то состоишь преимущество нашего разума и достоинство нашего значенія! —

Животныя управляющія чувственнымъ побужденіемъ, — не должны ли человекъ управляться побужденіемъ высшимъ — благороднымъ? ...

Еслили любовь наша основывается на чувственномъ удовольствіи, то мы любимъ любовью животныхъ; а когда чувственное удовольствіе управляется побужденіемъ высшимъ, тогда мы любимъ любовью людей, коихъ душевныя силы не рабствуютъ спрашьямъ плеснымъ — и спрашьями управляють, а не сами управляются ими.

О Лида! какъ ты мила моему сердцу! Я питаю къ тебѣ любовь, какую Ангелы питають между со-

бою: чистую, непорочную, — и
 все мое щасіе, все мое блажен-
 ство на земли въ одной тебѣ,
 достойнѣйшая дѣвица! Прости!

XVIII.

Томленіе сердца.

Я не могу скрыть отъ тебя том-
 леніе моего сердца. Здоровье швое
 такъ для меня дорого, что малѣй-
 шая распроеенность его меня му-
 читъ.

Думая безпрестанно о тебѣ, я
 всю нынѣшнюю ночь не могъ сом-
 кнуть глазъ своихъ. Добрыя серд-
 ца не заслуживаютъ мученій; а
 Лида не принадлежишь ли къ чи-
 слу ихъ? — Есѣли бы другу доз-
 волено было взять на себя спра-
 данія своего друга, съ какою охо-
 тою я спалъ бы за тебя мучишься!

Болѣзнь была бы для меня усла-
 жденіемъ — и мысль, что милая
 не спрадаешь уже проливала бы
 въ меня небесное утѣшеніе. Ноче-

ловѣку не оспашеся ничего, кромѣ участія; болѣзнь есть доля смертныхъ.

О есшлы бы мы были шамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ спраданій. Преселясь нѣкогда шуда, я, подобно благошворному духу, буду носишься надъ шобою, буду защищать себя отъ опасностей жизни. Ты будешь шесшвовашъ по пущи, усѣянному розами; и когда сонъ смерти закроетъ швои вежди, съ пламеннымъ желаніемъ приму тебя въ обитель вѣчности. Люди назовутъ это мечшою; но не назоветъ такъ Лида: ей извѣсны благородныя, высокія чувства, обыкновенному человѣку неизвѣсныя.

Любовь — прекраснѣйшій даръ

Природы.

Одинъ изъ прекраснѣйшихъ даровъ Природы, по разуму и добродѣтели, есть чувствительность.

Еслили она и умножаетъ иногда наши горести, Лида! то она сколько же дѣлаетъ живѣе и удовольствія; она тѣснѣе соединяетъ насъ съ человѣкомъ и заспавляетъ раздѣлять съ нимъ его радости и печали. Самыя слезы, Лида! бывающъ для насъ пріятны. Какое блаженство проливать ихъ въ сердце несчастнаго! . . . Когда слезы свои мѣшаемъ съ его слезами, то что можетъ быть утѣдительное сего чувствованія? — Самая живѣйшая радость иногда ничто предъ нимъ. — О Лида! въ природѣ находишся всеобщее сочувствіе — сія таинственная цѣпь, соединяющая чувствительныя суще-

сства съ сущесствами имъ подобными; а сіе сочувствіе не есть ли законъ, ушвердившій между ими любовь взаимную?—Такъ, сіе влеченіе проспирается на всѣ сущесства мыслящія, и оно-то связуетъ насъ между собою. Мы печемся о щасіи другихъ, о ихъ попребносствяхъ; ничто не чуждо нашему сердцу. Польза людей соединена съ нашею пользою. Какъ велико, Лида! наше назначеніе. Какъ великъ законъ любви Творческой!—И пошому сколь горестна мысль, что люди пользу личную опдѣляютъ отъ пользы общей! Какъ жалокъ другъ человѣчества, когда онъ, бросая вокругъ себя взоры, вездѣ встрѣчаетъ раздѣлъ, вездѣ чуждость! Онъ возмущается въ душѣ своей, слабѣетъ въ духѣ, видя, что желанія его должны ограничиться одною чувствительностію, которая сама собою безсильна, опирающіи

бѣдность, гнѣющую существо
ему подобное.

Кому жаловаться могу, какъ не
тебѣ, Лида! Ты часпо преселяешь-
ся духомъ въ тѣ страны блажен-
ства, гдѣ единодушное согласіе
соединяетъ всѣхъ между собою,—
гдѣ всѣ по однимъ законамъ дѣй-
ствуютъ къ общему благу. Здѣсь,
въ юдоли плѣнія, жалуясь тебѣ
на свои чувства; здѣсь, гдѣ въ
перспѣ обращается сославъ нашъ
—сославъ, къ кошорому такъ силь-
но прилѣпленъ человекъ чувствен-
ный. Всеобщее доброгласіе, Лида!
царствуетъ только за предѣлами
гроба; здѣсь же, для пользы цѣла-
го, соединяются сердца по чувст-
ву самолюбія и корысти.

О Лида! какъ сладостно любишь
и во всей полношѣ предаваться
сему небесному ощущенію!—Какъ
прекрасны узы любви, когда со-
единяютъ они два сердца съ оди-
наковыми чувствами! И только въ

объяшяхъ сей любви, чистой и
верховой, заключено наше бла-
женство. Прости, Лида!

XX.

Что значитъ любовь въ природѣ?

Взгляни на солнце, Лида! оно
истинный образъ любви: оно ос-
вѣщаетъ, грѣетъ и питаетъ; оно
благодѣтельно для всей природы;
оно дѣлитъ благотворные лучи
свои со всякимъ твореніемъ, спо-
собнымъ принимать ихъ; свѣтъ
его проникаетъ въ ущелія горъ
и въ бездны низмѣримыя; оно вез-
дѣ разливаетъ благодѣтельную
силу и все оживляетъ.

Цвѣты распускаются, луга при-
емлютъ одежду весны прелесной,
ручьи освобождаются отъ ледя-
ныхъ оковъ, и мерзвыя окрест-
ности превращаются въ поля улы-
бающіяся.

Пшичка оживотворяется его
теплою и наслаждается быши-

емъ своимъ. Опъ жаворонка, изли-
вающаго хвалебную пѣснь въ зы-
бахъ воздушныхъ, до червячка,
ползающаго по лиспочкамъ прав-
ки—все живущее чувствуетъ его
благошворность. Комаръ жужжа-
ніемъ воздаетъ хвалу Невидимому
—и онъ сотворенъ для радости;
—не вняшные звуки малѣйшаго на-
сѣкомаго соединяются съ пѣніемъ
Сирафимовъ и благословляютъ
Творца въ великомъ храмъ приро-
ды. Любовь составляетъ первый
существенный законъ природы;
ею все живетъ, все движется; всѣ
красоты природы—ея произведе-
нія, всѣ радости жизни—даръ ея.

Лида! эта любовь соединяетъ
все—человѣковъ съ человѣками, и
человѣковъ съ Богомъ. Она есть
великая цѣпь во вселенной—вѣр-
ный путь къ возвышенію: ею во-
сходятъ духи къ духамъ—все вы-
ше и выше—до самаго созерцанія
Опца любви.

Что привязываетъ дитя къ матери? Что улаждаетъ всѣ ея попеченія? Что награждаетъ ее за ночи, безъ сна проводимыя?—Любовь! Что превращаетъ природу — и изъ дикихъ мѣстъ дѣлаетъ страну прелестную? — Что украшаетъ песчанья степи Аравіи?—Любовь!

Кто прошивился буншующимъ стихіямъ? Кто смѣялся бурямъ? Кто улыбался все уносящимъ порывамъ вихрей? Кто первый отважился пуспиться въ море и побѣдиль ужасную вышину горъ? — Любовь!

Кто сильнѣе ея? — Она презираетъ смерть; рѣшается на все и никакихъ преградъ не знаетъ; она твердо надѣется на свою силу, — и ей все успунаетъ.

Любовь дала жизнь всѣмъ свободнымъ искуствамъ; она изъ мрака опдаленности похищила образъ милаго предмета и хитро осуще-

ешвила его въ каршинѣ; она превращала мраморъ въ прелестную наружность человека; соспавила изъ опдѣльныхъ пользъ всякаго великія выгоды всеобщности; соединила людей, сблизила народы съ народами и испребила вражду между ими.

Вотъ дѣйствіе любви!— Учись любить, Лида! и чѣмъ чище будешь любовь своя, тѣмъ ты ближе будешь къ Божеству. Проси!

XXI.

С л е з а.

Лида! Какъ благодѣтельна природа! и какъ не справедливы наши жалобы на спраданія!

Тамъ—подлѣ утесистой скалы сидѣлъ я вчера и въ мысляхъ своихъ разсмащивалъ людей. Слезы навернулись на глазахъ моихъ; я жалѣлъ, что они такъ мало знаютъ свое щасіе — Вдругъ увидѣлъ я фіялку; она росла подлѣ

скалы, почши подѣ камнями, шакѣ
чшо ни одна капля росы ее не ос-
вѣжала. Тупѣ упала слеза, выка-
пившаяся изѣ (глазѣ моихѣ, —
упала прямо на эшопѣ цѣвшокѣ—
и онѣ, оживленный влагою, развер-
нулся.

Такѣ, Лида! все вѣ природѣ имѣ-
ешѣ свое назначеніе; ничшо не
пропадаешѣ; все кѣ опредѣленной
цѣли успремляешѣ благосѣ Выш-
няя. Можешѣ бышѣ, Лида! когда
мы вмѣстѣ плакали, невидимыя
сущесѣва собирали наши слезы и
другія получали жизнь опѣ нашихѣ
вздоховѣ, пошому чшо мы плакали
опѣ добраго сердца.

О Лида! сшанемѣ благословляшѣ
наши сшраданія! Сѣ какою радо-
спію буду я проливашѣ слезы,
зная шеперь, чшо они льюшѣся для
блага цѣлаго

Какѣ великѣ Богѣ, Лида! — Сѣ
сего времени сладосшнѣе будупѣ
наши слезы, и живишельнѣе для

пѣхъ, коимъ благоспѣ Его назна-
чила ими питапьяся.

А вы мрачныя, злыя души! смо-
трише, какъ безсильна ваша зло-
ба! Въ то мгновеніе, когда нане-
сенная вами обида извлекаетъ у
насъ слезы, мы чувспвуемъ таин-
спвенное усажденіе, для васъ не-
поспижимое.— О! будьте добры—
любише; попому что любовь един-
спвенно дѣлаетъ людей добрыми.
Не правда ли, Лида?

XXII.

С и л а л ю б в и.

Тамъ, гдѣ пѣлюшъ осшапки
человѣчесшва—шамъ буду влачишъ
жизнь свою и искашъ шебя, Лида!
Изъ хладныхъ обвяпій перспи я
воззову шебя къ жизни, и любовь
моя исхишишъ изъ могилы мою
Лиду.

Ничшо не разлучишъ насъ, Ли-
да!—ни смерпъ, ни вѣчноспъ. Лю-
бовъ даетъ безсмерпіе душамъ

нашимъ : неразлучность — удѣлъ ихъ. Одинакія склонности, чувства и желанія соединяють души подобныя. — Кто можетъ раздѣлить единство? — Никто! ни самое Божество, потому что и Оно неизмѣнно только по своему единству.

Душа души моей! восхищайся сею великою мыслию, восхищайся тѣмъ, что ты содѣлала меня щасливѣйшимъ изъ смертныхъ.

У меня есть Лида — и ничто не возмушитъ моей радости. Горестъ не коснется моего сердца при одной о тебѣ мысли; мрачное чело прояснится въ твоёмъ присутствіи: — гдѣ Лида, тамъ и радость.

О люди! я смѣюсь вашей злобѣ, которая такъ часто покушалась омрачить дни мои! Ваши замыслы разрушены, ваша власъ уничтожена. — Разлучите меня съ Лидою, — любовь снова приведетъ

меня въ ея объятія ; терзайше
грудь мою, — мысль о Лидѣ на пол-
нишѣ меня восторгомъ небесной
радости ; умершвише меня —
смерть соединишѣ меня съ Лидою
на вѣки — — Безцѣнный другъ
мой ! такъ крѣпки узы любви на-
шей ! — Ни время, ни вѣчность не
распоргнешѣ ихъ. Проси , до-
стойнѣйшая изъ смертныхъ !

XXIII.

Побужденіе къ добродѣтели.

Продолжай , Лида ! — ты бу-
дешь лучшимъ, совершеннѣйшимъ
образомъ любовницы — рѣдкимъ
явленіемъ въ природѣ ! ты будешь
лилеею среди дикой пустыни ,
розою, развѣвающимся на кусточ-
кѣ , копорый сильная буря обна-
жила.

Любить есть потребность сер-
дца, — но любить не такъ, какъ
люди обыкновенные. — Красота

Пис. Лид.

Е

есть образъ самаго Бога; въ ней блистають лучи Его благоспи! — Земное солнце добродѣтели въ видѣ женщины? — Лида! какъ ты безцѣнна для моего сердца!! —

О! да не разлучишь насъ ни время, ни мѣсто; да соединяешься духъ мой опчасу шѣснѣе съ твоимъ; да возвысятъ насъ одинакія желанія, да пылають одинакія чувства въ груди нашей къ Тому, Кто для любви сотворилъ человѣковъ.

Ангелъ изъ своего пола! наша любовь перейдетъ и за предѣлы гроба. Мы, сложивъ съ себя шлѣніе, будемъ любить другъ друга во святилищѣ безплошныхъ.

Нѣкогда въ глубинѣ могилы засну, я для большой части людей, но не засну для тебя, Лида! Гробъ не разлучишь любви нашей. — Когда природа погрузится въ сонъ, когда ночь успеетъ мракомъ землю; ты посѣшишь мою могилу; тогда я соединюсь съ тобою?

и мы взаимно будемъ питать желанія и чувствованія, людямъ неизвѣстные.

Тамъ ожидаю тебя до того времени, пока Богъ воззоветъ тебя. Когда мершвенность начнетъ разливаться по твоимъ членамъ, духъ мой будетъ носиться надъ тобою, и твоя смерть будетъ подобна сну легкому, пріятному. Ты умрешь, чтобы воскреснуть въ благословенной странѣ вѣчности, тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе разлуки. Прости!

XXIV.

Приглашеніе къ прогулкѣ.

Недавно ходилъ я по кладбищу, искалъ мѣстечка, котораго бы нога суетѣра не касалась, искалъ и—не нашелъ.

Лида! когда умру я, желалъ бы покоиться уединенно; желалъ бы, чтобы ничей прахъ, кромѣ твоего и праха благороднаго сердца, не мѣшался съ моимъ прахомъ.

Въ разстояніи на нѣсколько часовъ отъ города находишся уединенная пущыня. Тамъ, подъ высокими елями, почіюшъ опцы наши, въ благочесшіи доспигшіе глубокой спаросши. Тамъ, Лида! подлѣ нихъ, желалъ бы я покоиться.

Приди ко мнѣ, милая! — Нынѣшнюю ночь посѣпимъ это мѣсто. — Безмолвіе могилъ пріемлетъ величіе въприсутствіи милой. Тамъ сядемъ мы на могилѣ праведника и будемъ бесѣдовать о вѣчности до зари утренняя. Согласна ли?

Съ побою мысль о самой плѣнности не ужасна: все радость, гдѣ Лида. Сколь великъ долженъ бытъ Тотъ, милая! Кто сошворилъ свою душу и разлилъ свѣтъ въ существъ свое! — Тамъ будемъ благословлять его величіе, — и поцѣлуй на вѣки запечатлѣетъ нашу нѣжностъ. Прости! я ожидаю тебя.

XXV.

Природа, наставница любви.

Я хочу бытъ своимъ учищемъ, Лида! — Нѣтъ, милая! не я, а любовь и природа.

Сближайся съ природою, въ душѣ своей; бытъ невинною, какъ она — вошѣ швое единственное спараніе! Будь проста, подобно горлицѣ, — скромна, какъ разцвѣщающая въ долині фіалка, — весела, какъ жаворонокъ, который, взвиваясь въ воспоргѣ къ небу, воспѣваетъ хвалу Есевышнему. Веселись и наслаждайся радостями жизни. Срывай съ благодарнымъ сердцемъ цвѣты на лонѣ природы, — освѣжай уста водою изъ чистаго источника — укрѣпляй силы ароматическими растѣніями; — засыпай мирно при журчаніи ручейковъ; мечтай во снѣ объ удовольствіяхъ жизни, — просыпайся, — люби, — цѣлуй — и съ каждымъ біеніемъ сердца, обращающаго ки-

пящую кровь въ твоихъ жилахъ,
 — всякой поцѣлуй пусть напоми-
 наешь тебѣ, что оно есть даръ
 всесильнаго Ошца природы, Ош-
 ца, который сотворилъ людей для
 любви и щасія. Проспи, Лида, и
 люби.

XXVI.

П о ц ѣ л у й.

Вчера съ сладостнымъ біеніемъ
 сердца смогрѣлъ я на тебя, Лида!
 какъ ты покоилась сномъ легкимъ,
 — смогрѣлъ долго и восхищался.
 — Съ милою небрежностію лежалъ
 гибкой спанъ твоей на скамѣ хол-
 ма; какъ прекрасно волновались
 темные волосы на бѣлой груди
 твоей—груди, которая такъ ти-
 хо при всякомъ дыханіи поднима-
 лась. Длинные волосы и сомкнутые
 рѣсницы ошѣняли нѣжное лицо
 твое, какъ будто для того, что-
 бы укрыть его розы, цвѣщущія
 между лилеями.

Полуопкрышы были успа швои — и бѣлые зубы соспавляли два ряда жемчужинѣ. Румянецѣ улыбающихся губѣ швоихѣ и ямочка на подбородкѣ возвышали нѣжныя швои прелести.

Я любовался швоею спройноспію; — все, все вѣ шебѣ влекло меня кѣ поцѣлую; сердце начало бишься сильнѣе; я не могѣ преодолѣшь вѣ себѣ таинспвеннаго кѣ шебѣ влеченія: обнялѣ, поцѣловалѣ — и швои глаза опкрылись; шы улыбнулась и сама напечашлѣла поцѣлуй на успахѣмоихѣ. — — Кпо хочешѣ узнатьъ мои чувспва, пошѣ пусть посмотришѣ на свою милую, когда она, послѣ сна легкаго, опкроешѣ глаза вѣ обѣяпіяхѣ друга. — При семѣ небесномѣ ощущеніи поцѣлуя сорадовалась намѣ вся природа.

Предспавъ же себѣ, Лида! люди видѣли наши поцѣлуи и — смѣялись. Возможно ли? — Мы по-

цѣловались. — Что же шутъ дурнаго? — Не понимаю! — И мнѣ по же случилось видѣть надъ ними; но я не только не осуждалъ, но еще радовался съ ними.

Мнѣ не слѣдовало цѣловать себя; но почему? — Для чего не сорвать розу, которую любовь представляешь мнѣ? — И какъ бы, по ихъ, долженствовалъ я поступить въ такомъ случаѣ? — О люди злобные! вы и природу хотѣли бы сдѣлать сколько же жестокою, какъ вы сами!

Природа благодѣтельна; она дозволяетъ смертнымъ пользоваться ея дарами: для чего же опекаться мнѣ отъ благодѣтельности нѣжной махери? — — Нѣтъ, Лида! мы всегда будемъ цѣловаться — и шѣмъ долѣе, чтобы болѣе ощущать сладость поцѣлуевъ. Когда удастся мнѣ опереть слезу несчастнаго, указать путь добродѣтели порочному, защитишь

невиннаго : швой поцѣлуй , милой
 другъ мой ! долженъ запечатлѣть
 легкіе мои подвиги. — Если же лю-
 ди все budou кѣ намъ немило-
 спивы, мы прибѣгнемъ кѣ приро-
 дѣ : луга и лѣса доставяшъ намъ
 убѣжище. Тамъ пернатые , въ
 спрашныхъ поцѣлуяхъ, свободно
 наслаждающіяся взаимною любовію;
 шамъ будемъ и мы цѣловаться, —
 и сіи мѣста оживушъ съ нами. —
 Въ пѣни мирныхъ кустарниковъ
 спанемъ раздѣляшъ свое щасіе
 съ бездушными швореніями и съ
 дикими живошными, когда не мо-
 жемъ дѣлать его съ людьми. —
 Не правда ли? Лида! мы опяшъ бу-
 демъ цѣловаться.

XXVII.

Воспоминаніе.

Вчера я былъ на великолѣпномъ
 балу. — О Лида? какъ шамъ безобра-
 жены красавицы ! Волосы у всѣхъ
 всклокочены и напудрены — точно

Пис. Лид.

Ж

шакѣ, какѣ поля бывають усыпаны
инеемѣ среди морозной осени.

Вообрази, Лида! и я, чѣшбы не
прослышѣ чудакомѣ, долженѣ былѣ
завишѣся, напудришѣ себѣ во-
лосы и таскашѣ длинную шпагу,
не смѣя обнажишѣ ее; — носишѣ
высокую шляпу, кошорой не лѣзя
надѣшѣ—и все эшо для шого, чѣш
бы не опсшашѣ ошѣ другихѣ. —
О! люди, люди!

Чѣш можешѣ равняшѣся прекра-
снымѣ, длиннымѣ волосамѣ милой
дѣвицы? Чѣш можешѣ равняшѣся
прелесшямѣ природы? Леншочка на
головѣ, цѣшшочекѣ на груди —
эшотѣ простой нарядѣ лучше
всѣхѣ зашѣйливыхѣ, лучше зо-
лашыхѣ цѣшшочекѣ, кошорыми пре-
красный полѣ думаешѣ оковашѣ
сердца всѣхѣ мушчинѣ.

И самый блескѣ драгоцѣнныхѣ
камней не имѣешѣ ни красы, ни
вкусу! — Блесшящая капля росы
на розѣ, приколошой кѣ груди

твоей, — эта капля, въ кошорой
 любуешся восходящее солнце, пре-
 восходишь всѣ драгоцѣнные кам-
 ни, — и всѣ бриліанты теряюшь
 свое достоинство предъ слезою,
 кошорую любовь къ человѣчеству
 извлекаешь изъ глазъ твоихъ. —
 Я полетѣлъ бы опять въ твою обѣ-
 яшія, Лида! Раны моего сердца,
 разсшерзаннаго суешностію лю-
 дей, можешь заживишь одна при-
 рода. Прости и будь вѣчно вѣр-
 на природѣ!

XXVIII.

Любовь въ городѣ.

Представь себѣ, Лида! что без-
 цѣнное чувство смертныхъ — лю-
 бовь — такъ обезображена, такъ
 унижена въ городѣ, что она со-
 ставляетъ постыдное ремесло гну-
 сныхъ жертвъ роскоши и сласто-
 любія.

Непонятно, Лида! но не менѣе, въ сожалѣнію, истинно! — Ахъ! нѣтъ, милая! это не любовь, а увлеченіе грубой чувствѣнности; въ ней участвуетъ страсть, а не сердце. — О Лида! какъ преступно такое ремесло въ глазахъ моихъ!!...

Не знай города: твои взоры оскорбляясь при видѣ такихъ жалкихъ тварей! — Будь въ деревнѣ: въ объятіяхъ природы человекъ болѣе человекомъ; а здѣсь большая часть людей унизилась въ правахъ своихъ. — Хочешь ли видѣть картину городской жизни? — — О! нѣтъ, я пощажу нѣжные твои взоры. — Бѣги жилища разврата, дочь природы! Живи въ объятіяхъ невинности и наслаждайся непорочною радостію благородной души твоей.

Униженіе теловѣтства.

Какъ мы унизили природу! У насъ всѣ дары ея въ продажѣ. — Товаръ, по испинѣ, гореспный!... Но отъ чего? Отъ малодушія и корыспи! — Сласполюбіе предспа-вишъ ихъ тысячу. Всѣ разнаго разбора, разной цѣны; но и самой дорогой также плохъ, какъ и самой дешевой. Вообрази, какой обманъ, какое заблужденіе! — Все на продажу, все на лице. — Прекрасной полъ мѣняешъ друзьями, какъ кушаньемъ. Сего дня нравишся ему скромное, завпра посное; по упру шо, ввечеру другое.

Точно такъ измѣняешся ихъ вкусъ и въ любви: сего дня хошашъ онъ любовника темнорусаго, завпра бѣлокураго; шеперь исполина, чрезъ нѣсколько времени карлу.

И такія прихопи называ-юшъ любовью! — Въ самомъ дѣ-

лѣ, любовь у нихъ тоже, что позывъ на разные кушанья.

Хочешь ли холодного или жаркаго? Это побужденіе желудка можешь смѣло называть влеченіемъ сердца; пошому что сердце и желудокъ у насъ одно.

Избави тебя, Боже! отъ такой заразы, Лида! Проспи и люби меня душевно.

XXX.

Обытай и природа.

Разсмапривая тебя, Лида! я плѣняюсь правильностію красоты твоей. Гибкой станъ твой, полная грудь и прелестныя округлости — все въ тебѣ прекрасно, пошому что все натурально; ничто не обезображено. Но наши скромницы отврапили бы отъ тебя взоры; они назвали бы тебя безстыдницею — за то, что легкое на тебѣ плашье, и что при всякомъ дыханіи зефира глаза

мои наслаждающся новыми преле-
сциями.

О Лида! городъ шакъ испорченъ,
что и самая красота для него урод-
ливость. Все дышетъ въ немъ воз-
духомъ заразительнымъ. И сей раз-
вратъ названъ обычаемъ!!

Ты увидишь всѣхъ нашихъ Ве-
спалокъ съ закрытыми грудьми
до самого подбородка — для того,
чтобы никакой зависпливый глазъ
не осквернилъ чистоты ихъ, или
не ошкрылъ бы ихъ поддѣланности.
Сии скромницы вмѣнили бы мнѣ въ
пресупленіе, что люблюсь бѣлиз-
ною груди швоей — симъ благо-
дѣтельнымъ даромъ природы.

Лида! бѣги людей, бѣги раз-
вратнаго ихъ сообщества. Ты не
найдешь шамъ ни одного сердца,
которое бы тебя истинно полю-
било; всѣ будущъ спарашся —
шолько обольспить себя: вошъ
цѣль ихъ! Прости Лида! и не
желай бышь въ городъ.

XXXI.

Обращеніе въ свѣтъ.

Узнай, каковъ свѣтъ, Лида! и никогда не желай бытъ въ волшебномъ кругу его. Тебѣ извѣстно, что люди совсѣмъ не то, чѣмъ бытъ должны.

Утись сносить слабости друзей; проси ихъ быть снисходительными къ твоимъ—и будешь счастлива.

Знаешь ли великую пайну неразрывности?—Она состоитъ въ наблюденіи сердечныхъ чувствованій. Чѣмъ онѣ чище, тѣмъ ты ближе къ природѣ, тѣмъ тѣснѣе она соединяетъ тебя со мною; и пошому единственное мое спараніе—бытъ ей подобнымъ. Сіи священные узы соединяютъ только людей, а болѣе никого.

Красота исчезаетъ, наружность скоро охлаждаетъ въ насъ жаръ спремленія; онѣ единообразія шупѣютъ чувства. Одно серд-

це, вѣрное законамъ природы, можетъ навѣки прилѣпить къ себѣ другое сердце. Добродѣтель для всякихъ лѣтъ оспается добродѣтелию.

Увянутъ розы на щекахъ твоихъ, поблѣкнутъ лиліи; но добродѣтель вѣчно будетъ неизмѣнна въ благородной, прекрасной душѣ твоей.

Любовникъ, Лида! прилѣпляясь къ наружности, никогда истинно не любитъ; ибо къ цѣлому принадлежишь и внутренность. Ты не одно тѣло, Лида, но и душа. Природа надѣлила тебя наружными прелестями;—благодари ее! Онѣ нужны къ побѣдѣ надъ милымъ; но навсегда его привлечь къ себѣ—зависитъ единственно отъ души твоей.

Если ты не мыслишь о времени —и о томъ, что все съ нимъ перемѣняется; то не ропщи на вѣроломство. Сила прелестей твоихъ

ихъ изчезнешъ; время пришупитъ
твоей спрѣлы; онъ не будешь уже
ранишь ни одного сердца : плѣн-
ное все обращается въ плѣннѣ ....

— Или хочешь превратить зако-
ны природы? невозможное сдѣ-
лаешь возможнымъ? — Повѣрь мнѣ,
Лида! только душа можетъ при-
ковать душу; только ею наложен-
ныя цѣпи неразрывны — вѣчны!
Прости!

XXXII.

П р и т в о р с т в о.

Нѣтъ ничего отвращительнѣе
пришворства. Невинность возвы-
шаетъ прелести, а пришворство
унижаетъ ихъ.

Что же такое невинность, Ли-
да? — Ты помнишь, какъ сидя со-
мною подъ вустомъ шиповника,
дала мнѣ первой поцѣлуй —
пошомъ другой, и смотрѣла, какъ
я восхищался. Тогда была ты
исстинно невинна. Въ то время,

Лида! какъ я жаловался на покрывало, закрывавшее грудь швою,—и швоя рука пошчасъ его сдержнула,—въ то время, Лида! ты была испинно невинна, и въ душѣ швоей не шайлось никакого подозрѣнія.

Но ты не была уже такъ невинна, Лида! когда спарая шешка швоя тебѣ приказывала шщательнѣе закрывать свои прелести.—Тутъ, въ первой разъ, ты слукавила: ты закрыла только половину груди, а другую такъ оставила; и конечно первое сдѣлала изъ послушанія къ своей шешки, а послѣднее для меня. Это было уже не справедливо; пошому, что мысль о справедливости и несправедливости родилась въ невинной душѣ швоей. Но это не швоя вина, Лида! Я хотѣлъ бы проклясть швою шешку.—Слава Богу! что ее нѣтъ съ тобою! — Въ ней не было ни малѣйшаго

признака добродѣтели ; а было — одно припворсшво. — О! ты вообразишь не можешь , Лида ! съ какою заботливостію она, всякую минушу , то скидала, то надѣвали перчатку — съ того времени, какъ я похвалилъ бѣлизну руки ея; а когда не хотѣлъ я того замѣишь, то она съ досады изорвала перчатку, и послѣ ходила съ изорванною.

Вошѣ, припворсшво, Лида ! — вошѣ уловка хитрой женщины , копорая думаетъ воспалишь спрасъ въ нашемъ сердцѣ. Невинность не знаетъ такой хитроси, — а невинность всего восхищельнѣе , всего святѣе въ женщинѣ.

XXXIII.

Святость въ любви.

Когда священные узы соединяшѣ насъ, Лида ! и нѣжная любовь увѣнчаетъ сладкія надежды наши , —

надежды, копорыя сполько же для
меня восхищительны, сколько ми-
лая, добродѣтельная Лида! — Въ
то время просширай ко мнѣ свои
обѣщанія: пусть онѣ будутъ для
меня наградой за похвальной под-
вигъ; когда возвращусь я съ по-
бѣды надъ пороками и предраз-
судками, или подамъ защиту без-
винному. — Если чело мое омрачи-
ся благороднымъ негодованіемъ —
и сердце, распроганное человѣ-
ческимъ бѣдствіемъ, будетъ раз-
дирашся въ груди моей, — въ то
время просширай ко мнѣ свои обѣ-
щанія, и — мы доставимъ свѣту
дѣшей достойныхъ! —

Но, Лида! ты къ сожалѣнію
видѣла малодушныхъ, — видѣла
супруговъ, коихъ одно сластолю-
біе дѣлало родителеми, — сласто-
любіе, копорому обычай далъ на-
именованіе любви честной, не
сдѣлавъ ее истинною! — Безъ
души, безъ сердечнаго влеченія

она ни что иное, какъ продолжи-
тельная скука, или тяжкая обя-
занность, или гнусное упоение, до-
стойное однихъ живошныхъ. — —
Такъ унижена природа, такъ
великое таинство любви осквер-
няется.

XXXIV.

Образъ женскаго совершенства.

Я узналъ тебя, Лида! и — въ
невинной душѣ твоей увидѣлъ
образъ женскаго совершенства. —
Я знаю тебя, какъ не лзя болѣе,
и — чтобы доказатьъ тебѣ это,
прими сіе начертаніе твоего ха-
рактера. Оно умозрительное, но
не менѣе твое, Лида!

Рано почувствовала ты влече-
ніе души, которая имѣетъ вели-
кое начало, — которая не должна
ограничиваться малымъ и плѣн-
нымъ. Увѣренная въ благости Твор-
ческой, увѣренная въ верховной
любви Ея — и наслаждаясь чистую,

неизмѣнною радостію, копорая
 твоего сердца достойна, ты ви-
 дишь въ ней источникъ красоты
 истинной. Ты знаешь благость
 Отца любви, какъ изъ от-
 кровенія, такъ и изъ природы,
 — и сія увѣренность питаетъ,
 восхищаетъ твою душу. Разумъ
 твой основателенъ, и хоща не
 имѣешь учености, но понимаешь
 важнѣйшія истины; легко и при-
 ятно изъясняешь ихъ, не прини-
 мая на себя ни виду, ни похвалы на-
 ставницы. Съ любовію выполня-
 ешь всѣ свои обязанности къ Су-
 ществу Верховному и къ человѣ-
 ческому: возвышаешься въ позна-
 ніи сего Существа составляешь
 предметъ твоей ежедневной дѣя-
 тельности. Твое благочестіе ис-
 кренно и чисто, — и не имѣя пла-
 меннаго, спремительнаго рвенія
 суевѣра, оно подобно душѣ твоей
 крошко и нѣжно.

Исполняя такимъ образомъ свои

существенныя обязанности, ты конечно не забываешь и тѣхъ, кои собственно къ тебѣ относящ-ся. Заботясь непрерывно о воз-вышеніи души, ты не оставля-ешь въ небрежности и тѣла; ты конечно не равнодушна къ наруж-нымъ своимъ прелестямъ, но не менѣе мыслишь, что красота тѣ-лесная ничто безъ красоты ду-шевной.

Твой разумъ напитанъ всѣми истинами, безъ коихъ не лзя знать ни щасія, ни добродѣте-ли. Онъ велики, — и ты тѣмъ болѣе, со всякимъ днемъ, спа-раешься образоваць себя; разсма-тривая себя, какъ мыслящее су-щество, ты не спрашишься упре-ковъ. Осличнымъ произведеніямъ ума ты умѣешь дать цѣну, — пользуешься въ нихъ лучшимъ, и такимъ образомъ возвышаешь добродѣтельные свойства души твоей. Чистая съ размышленіемъ,

ты приобрѣла вкусъ вѣрный и
 тонкой; на полѣ же познаній че-
 ловѣческихъ, не касаясь тернія,
 ты собираешь однѣ цвѣты и пло-
 ды. Тебѣ извѣстенъ кругъ наукъ,
 но только съ той спорсны, съ
 коюрой онѣ дѣйствуютъ на обра-
 зованіе сердца, или доставляють
 невинную забаву воображенію. Отъ
 сего природный умъ твой стано-
 вится чище, живѣе и пріятнѣе.
 Ты очень увѣрена, что блестяшь
 въ обществѣ и правишь разгово-
 ромъ несовмѣстно съ кромно-
 стію умной дѣвицы; и попо-
 му болѣе выигрываешь молчані-
 емъ, чѣмъ словоохотливостію. Го-
 воря мало, ты говоришь основа-
 тельнѣе, умнѣе и пріятнѣе. Ве-
 ликое достоинство и для мужчи-
 ны — болѣе имѣть ума, нежели
 его показывать; но женщину это
 еще болѣе возвышаетъ, потому
 что скромность составляетъ луч-

Иис. Лид.

З

шее украшеніе всѣхъ талантовъ
ея и прелестей.

Ея спокойствіе имѣетъ ис-
точникъ свой не столько въ разу-
мѣ, сколько въ сердцѣ. — Кропотъ
и невинность чувствованій, без-
пришворства нравовъ есть ея гор-
достъ, ея щастіе, ея красота
вѣчно юная. — Бытъ чуждою по-
рока — для нее мало; еще менѣе —
опасаться развратности, ко-
рая никогда не коснется ея серд-
ца; ибо чувство стыда въ ней
равняется чувству ея невинно-
сти. — И нашъ прекрасный полъ
извѣснаго званія обезпеченъ —
по крайней мѣрѣ до замужства! —
отъ такихъ безпорядковъ, — обез-
печенъ, говорю, какъ со стороны
своей знаменности, такъ и всеоб-
щаго покора, который бываетъ
неминуемымъ слѣдствіемъ дур-
ной жизни — и которой дѣвица,
одинъ разъ унизившаяся, ничѣмъ
уже загладить не можетъ.

Лида! для тебя не довольно быть безукоризненной добродѣтели; ты еще не усypно печешься и о томъ, чшобы твои желанія, твои склонности, твои спраси и самые поступки опвѣтспвовали истинному достоинству напуры человеческой. Твое сердце увѣрено, что всякой порокъ, постыдной для мущины, еще болѣе униженъ для женщины; пошому что онъ соблазнительнѣе въ женскомъ, чѣмъ въ нашемъ полѣ. Въ цѣлой подлунной нѣшѣ гнуснѣе швари, какъ развратная душа въ прекрасномъ шѣлѣ, кошорому даны прелести для того, чшобы возвысить достоинство благородныхъ качествъ.

Ты добродѣтельна, Лида — и добродѣтельна не для того, чшобы привлекать всеобщее удивленіе. Лучшія добродѣтели не имѣютъ цѣны своей, когда примѣшивается въ нимъ суешность.

Но какъ ни чужда ты самолюбія, какъ ни скрываешь свои добродѣтели, Лида! и въ тайнѣ сердца стараешься возвысить себя благородными чувствами; при всемъ помѣ свойства души твоей не остающа, въ безвизвѣспности: онѣ сіяють на лицѣ тво-емъ. Самый порочный не можетъ ихъ видѣть въ тебѣ безъ уваженія, — и я увѣренъ, что, пользуясь частымъ обращеніемъ съ тобою, онѣ скоро успѣдился бы своихъ слабостей и исправленіемъ сердца старался бы заслужить твое вниманіе.

Невинность твоя и добродѣтель подобны красотѣ твоей: съ перваго взгляда она не поражаетъ глазъ — и пошому не вдругъ можно разглядѣть ее; но лице твое становивша тѣмъ прелестнѣе, чѣмъ долѣе его разсмаприваешь; а добродѣтели твои тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ долѣе узнаешь ихъ.

Лида! время драгоцѣнно для тебя не менѣе, какъ для мужа дѣятельнаго и мудраго; ты увѣрена, что въ потерѣ онаго и тебѣ также должно опадать опеченіе, какъ и ему. Ты забываешь, что нѣжный составъ твой имѣетъ болѣе нужды въ покоѣ, чѣмъ нашъ. Большая часть твоего времени посвящена Богу, душѣ твоей и добродѣтели. Часы дневнаго времени, котораго не раздѣляешь съ посторонними, ты употребляешь на исполненіе обязанностей воспитанной женщины; стараешься возвысить и усовершенствовать способности, коихъ образованіе необходимо для пріятностей и счастья жизни домашней; печешься о спокойствіи твоихъ, кои ввѣрены твоему надзору, и коихъ поступки должны быть располагаемы по твоей волѣ.

Ты не равнодушна къ прекрасной своей наружности; но начпо

и запрещаешь глазамъ своимъ видѣть то, чѣмъ другіе любуются? — Ты все щитаешь въ себѣ даромъ природы, не пренебрегаешь имъ и не гордишься пошому чѣмъ не ты его дала себѣ; красота шѣмъ болѣе служишь для тебя побужденіемъ — украсишь душу свою добродѣтелию и любезностію. Прекрасное лице имѣешь одну участь съ цвѣтами: и оба скоро, скоро опцвѣтають! Какое несчастіе для женщины, основывать гордость свою на скороувядающихъ прелестяхъ! Приходишь спаросишь — и она во всякой морщинѣ видишь стыдъ свой и униженіе. — Ты знаешь это, Лида! и забоишься о приобрѣщеніи такихъ совершенствъ, кои не только не теряють блеска своего во времени, но еще опчасу становящся блистательнѣе.

Глупая мысль, что платье придаетъ достоинство человеку, далеко тебя ниже. Красота не имѣ-

ешѣ нужды въ поспороннемѣ, выдуманномѣ украшеніи; а безобразіе не можешѣ подѣ нимѣ укрывшѣся. Плашье, по большой часпи, имѣешѣ дѣйствіе совершенно противное тому, какого ожидаюшѣ ошѣ него всѣ нарядницы: оно обнаруживаешѣ недоспашокѣ красоты. Нарядѣ Лидинѣ показываешѣ опрятность, а не зашѣйливостѣ и щеславіе. Ты одѣваешѣся по модѣ, когда она не опасна для невинности твоего сердца. Новая мода тебѣ не нравится, потому что она новая, — и ты никогда не спѣшишь повиновашѣся первому ея явленію. Ты напередѣ изслѣдываешѣ, не подаешѣ ли она, въ тебѣ или въ другихѣ, причины къ искушенію — и не воспаменяешѣ ли воображенія? И если шакѣ, ты съ швердоспію прошивишѣся ея своему равному властительству — и сія швердоспѣ даешѣ новое достоинство твоей

добродѣтели. Ты гнушаешься излишествомъ нарядовъ не менѣе и пошому, что онѣ бывають соединены съ разорительностію, а въ глазахъ мужчинъ означають вѣтренность и непостоянство. — И пошому не должно ли тебя почитать такою дѣвицею, которая всю честь и славу свою полагаетъ только въ невинности и чистотѣ намѣреній?

Въ обхожденіи ты тиха безъ застенчивости, развязна безъ принужденія и весьма оспорожна — особливо съ нашимъ поломъ. Ты чувствуешь въ себѣ склонность нравишься, и всѣ твои поступки доказываютъ, что ты желаешь нравишься единственно добродѣтелями. Ты презираешь славу видѣшь вокругъ себя толпы обожателей и суешное удовольствіе пріобрѣтать побѣды. Красавица чѣмъ щисливѣе въ побѣдахъ, тѣмъ она ближе къ опа-

сноспи—быть побѣжденною. Она конечно обольстительна, если захочет обольщать; но она и сама обольщается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе старается другихъ обольщать. Но ты, Лида! такъ мало занимаешься ими, что всегда съ удовольствіемъ уступаешь преимущество тѣмъ, которыхъ тебя прекраснѣе. Такъ благороденъ въ тебѣ образъ женскаго совершенства!! — Нѣтъ черты, которой бы не запечатлѣла природа въ душу твою. Лучшія изъ женщинъ уступя тебѣ преимущество въ безпримѣрныхъ твоихъ достоинствахъ. Самыя ихъ опличія составляютъ только слабой опшѣнокъ совершенствъ твоихъ; — а опшѣнокъ, Лида! можетъ ли войти въ сравненіе съ изяществомъ подлинника? — Проспи, проспи!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Пис. Лид.

И

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Nravstvennyje pis̆ma k Lidě o ljubvi duš blagorodnych v 2 častjach

Bd.: 1

Moskva (1816)

Ph.pr. 1409 n-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10042534-2